

НАША ИСТОРИЯ

УДК 002.2(47+57)(09)

Ю. Н. Столяров

Научный центр исследований книжной культуры РАН

Чёрные страницы советского книговедения (по материалам переписки Н. А. Рубакина и Н. М. Сомова). Часть 2

2017 г. ознаменовался несколькими памятными датами: 100-летие советского библиотековедения, библиографоведения и книговедения; 155-летие со дня рождения выдающегося энциклопедиста-просветителя и основателя библиопсихологии Николая Александровича Рубакина (1862–1946) и 155-летие со дня рождения его единомышленника и сотоварища по научным интересам – полузабытого ныне книговеда и библиографа Николая Михайловича Сомова (1867–1951).

На материалах доверительной переписки (архив Н. А. Рубакина, хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки) между Н. А. Рубакиным и Н. М. Сомовым раскрыта неблагоприятная политическая и научная обстановка в СССР в конце 1920-х–1930-х гг., которая пагубно сказалась на развитии книговедения, библиотековедения и библиографии и привела к свёртыванию разработки ряда перспективных направлений и искажению научных приоритетов. Представлено отношение этих книговедов к своим коллегам, стоявшим в тот период в авангарде советского книговедения.

Сделан вывод: картина событий, происходивших в нашей профессиональной сфере в то время, была довольно унылой, но мы должны знать все стороны своей истории.

Ключевые слова: советское книговедение, библиотековедение, библиографоведение, библиопсихология, история книговедения, история библиотековедения, история библиографии, Н. А. Рубакин, Н. М. Сомов, репрессии 1930-х гг., П. Отле, документология.

UDC 002.2(47+57)(09)

Yury Stolyarov

*Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

Black pages in the Soviet book studies (based on the correspondence between Nikolai Rubakin and Nikolai Somov). Part 2

The year 2017 was marked by several memorial dates: One hundred years of the Soviet library science, bibliography and book studies; the 155-th anniversary of the prominent encyclopedist, educator and the founder of bibliopsychology Nikolai (Nikolas) Alexandrovich Rubakin (1862–1946); and the 150-th anniversary of his associate and fellow-thinker, now half-forgotten bibliologist and bibliographer Nikolai Mikhailovich Somov (1867–1951).

Based on the confidential correspondence between Nikolas Rubakin and Nikolai Somov (N. Rubakin's Archive in the Manuscript Collections of the Russian State Library), the author describes unfavorable political and academic environment in the USSR in 1920s–1930s which took a heavy toll on the national book studies, library science and bibliography and result in terminating several promising trends and straining science priorities. The scientists' attitude to the colleagues then leading in the Soviet book studies is revealed. The author concludes that the professional landscape was rather sad, but we need to acknowledge all aspects of the professional history.

Keywords: soviet book studies, library science, bibliography, bibliopsychology, history of bibliology, history of library science, history of bibliography, Nikolas Rubakin, Nikolai Somov, repression of the 1930s, Paul Otlet, document studies.

Many people believe that the repression in the Soviet Union began on command from above. However, the daily correspondence of two outstanding scientists shows that the trigger was first actuated by opportunist booksellers who considered themselves infallible Marxist-Leninists and therefore have the right to smash the experts of the old school, accusing them of not accepting a new ideology. For example: the authorities were willing to cooperate with N. Rubakin, to publish scientific and popular books and a pointer "Among the books". But the frenzied criticism that unfolded in the professional press prevented this. As a result, it became impossible to mention the name of N. Rubakin in the press, and his works were banned. So, from the ordinary correspondence of two outstanding people, a rather gloomy picture of the state of affairs in Soviet book studies of the late 1920s and early 1930s appears. When the book by N. A. Rubakin, "The Psychology of the Reader and Books" (1929), was published, N. Somov responded enthusiastically. N. Somov negatively assessed the preface by A. Plotnikov, at that time the director of the Research Institute of Bibliology, believing that it discredited the book. The author of the preface affixed a "non-Marxist" label to N. Rubakin, despite the Rubakin's analysis is deeper than the ordinary Marxist analysis. It emphasizes the close relationship of the socio-demographic characteristics of readers with their class psychology, as well as its relationship with the socio-economic way of life and the organization of production. Under the millstone of political repression, there were many colleagues which shared the ideological values of communist doctrine; and those who mimicked, posing as the faithful Leninist-Stalinists. N. Rubakin underwent many attacks, he never managed to overcome the negative attitude towards himself. Despite all the objective

and subjective obstacles, Soviet book science continued to develop, and thanks to Rubakin, this was known in the world, although in other circumstances his successes could be qualitatively and quantitatively higher. N. Somov constantly informed N. Rubakin about the repressions that had begun, as a result of which scientific research institutions, professional communities were closed down, and specialists were also arrested.

Начало репрессий

Многие считают, что репрессии в СССР начались по команде «сверху». Однако повседневная переписка двух выдающихся учёных свидетельствует, что спусковой крючок сначала был нажат конъюнктурно настроенными книговедами, считавшими себя непогрешимыми марксистами-ленинцами и потому имеющими право громить специалистов старой школы, обвиняя их в неприятии новой идеологии. Например, их никто не заставлял травить Н. А. Рубакина. Мало того: органы власти проявляли готовность с ним сотрудничать, издавать научные и популярные книги и указатель «Среди книг». Но развернувшаяся в профессиональной печати оголтелая критика учёного препятствовала этому. В результате стало невозможно упоминать имя Н. А. Рубакина в печати, а его произведения были запрещены.

Разнузданное и безнаказанное отрицание научного вклада Н. А. Рубакина привело к тому, что пострадали и самозванные «марксисты». Проследим, как развивался этот процесс.

Когда вышла книга Н. А. Рубакина «Психология читателя и книги» (1929), Н. М. Сомов отозвался о ней восторженно: *«После внимательного и основательного ознакомления с Вашим трудом я пришёл к выводу, что это в высшей степени интересная и полезная книга. Написана она хорошим русским языком, самый предмет изложен серьёзно, строго логично, просто и доступно. Кроме того, с очевидностью видно, что истина вам дорога, близка вашему сердцу и вы боретесь за неё, не покладая рук и не считаясь с тем, что не всем оно приятно. Как золотые лучи утреннего солнца разгоняют туман, скрывающий действительность, так библиопсихологическая истина разрушает самообман людей, верящих в торжество лжи. Ваша книга согрета чувством любви к людям и к их светлым идеалам. <...> я с истинным удовлетворением и с большой пользой для себя прочёл Вашу книгу, последние страницы которой стоят на грани художественной прозы»* [16. Л. 3–4, 5 об.].

Н. М. Сомов отрицательно оценил предисловие А. Плотникова (1877–1942) [17], на тот момент директора НИИ книговедения, посчитав, что оно дискредитирует книгу. Автор предисловия наклеил на Н. А. Руба-

кина ярлык немарксиста, а между тем анализ Николая Александровича глубже обычного марксистского, поскольку демонстрирует, *каким образом бытие определяет сознание*. Кроме того, в книге подчеркнута теснейшая связь социально-демографических характеристик читателей с их классовой психологией, а также её связь с социально-экономическим укладом жизни и организацией производства. Было бы лучше, если бы книга вышла без предисловия с такой несправедливой её оценкой [16. Л. 4 об.–5].

Н. М. Сомов постоянно информировал Н. А. Рубакина о начавшихся репрессиях, в результате которых закрывали научно-исследовательские учреждения, профессиональные сообщества, арестовывали специалистов. Типичны такие сообщения: *«Яницкий исчез из Книжной палаты; говорят, очередь за Халатовым. Произошла смена Троповского, Кравченко, Семёнычева и др. Известный труд по истории России М. Н. Покровского попал в опалу»* (31 янв. 1931 г.) [17. Л. 3].

Вот что написал Н. М. Сомов о Г. И. Поршнев, ближайшем друге Н. А. Рубакина [18] (Николай Александрович отзывался о нём так: *«Поршнев – замечательный книжный работник. Я его знаю уже 25 лет. Такого фанатика книги трудно найти. Он фанатик коммунистичес<еского> строя и мастер продвигать книгу. Его теперь знает и Европа, и Америка»* [19. Л. 15]): *«Поршнев осуждён на восемь лет, по другой версии – на десять, точно не знаю»*. И тут же: *«По настоянию Яницкого из четвёртого номера журнала “Библиография” вырезана статья Здобнова, которую он предполагает, как мне передавали, поместить в одном московском марксистском журнале. В статье шла речь о неправильной постановке библиографии в Большой советской энциклопедии, к которой имеет большое отношение Яницкий. На эту же тему Здобнов поместил в “Известиях” от 10 февраля т.г. заметку “Пора обратить внимание”. В связи со всем этим произошла большая передёржка, но Здобнов был вполне реабилитирован»* [17. Л. 6–6 об.].

Вскоре Н. М. Сомов сообщает о дальнейшем обострении идеологической борьбы в книговедении: *«Идёт борьба с буржуазными призраками, создаваемыми услужливыми людьми, иначе говоря, делающими на этом свою карьеру. Недавно (23. VI) приезжал из Ленинграда Новосадский и читал свой доклад “Классовая борьба на книжном фронте” (читайте: книговедческом), в котором громил “буржуазных” книговедов вплоть до Фомина (выпустившего книгу “Книговедение как наука”), в том числе и Вас, считая, между прочим, “теорию Рубакина опаснее Куфаевской теории”*.

Недавно Владиславлев (Гульбинский) бахвалится мне, что, мол, он да Годкевич с Довганем (украинцы) – троица, единственно способная создать марксистское книговедение, книговедческий “Анти-Дюринг”, по его словам, – ни больше, ни меньше. Он полон злопыхательства, и я перестал у него

бывать. А другой злопыхатель – Годкевич – добился того, что киевские “Бібліологічні Вісті” прекратили своё существование. Он поместил в харьковском журнале “Критики” (1931, 2 и 3) статью “В надёжных окопах”, подразумевая под ними вышеупомянутый журнал (“Библиологические вести”), в котором благодаря Меженки якобы нашли себе приют чуждые элементы. Это произведение пера Годкевича носит прямо погромный характер» [17. Л. 7 об.–8 об.].

Однако и ортодоксальным книговедам было несладко. В 1935 г. Сомов сообщает Рубакину, что «братия (Довгань и К^о), мнящая себя непогрешимой, сама оказалась с таким идеологическим изъяном, что на её “продукцию” наложено вето» [14. Л. 30 об.].

Ещё раньше, в 1932 г., Н. М. Сомов извещал о том, что инициатор борьбы на книговедческом фронте И. В. Владиславлев подвергся такой же заушательской критике, которую применял сам. Подобная участь постигла также К. Довганя, И. В. Новосадского и Д. В. Константинова. Их объявили вульгарными механистами. 21 ноября 1931 г. в Ленинградском институте книговедения состоялось обсуждение статьи И. В. Новосадского «Теория книговедения и марксизм», где он подверг уничтожающей критике взгляды Н. А. Рубакина, М. Н. Куфаева, Н. М. Сомова, А. Г. Фомина, М. Б. Вольфсона и других прогрессивных учёных.

Однако, невзирая на эти «заслуги», Новосадского объявили меньшевистствующим идеалистом и вынесли резолюцию, в которой его теория объявлялась «ярким образцом воинствующего формализма и эклектики, начисто смазывающей марксистско-ленинское учение о печати». Аспирант Института книговедения Д. В. Константинов в докладе под названием «О методологических ошибках в области теоретического книговедения» обрушился на теоретические построения Н. М. Сомова.

На этом, а также на московском совещании по книговедению 29–31 декабря 1931 г. столь же резко критиковали и Д. В. Константинова – ортодоксально настроенного «всезнайку», как называл таких верхоглядов Н. А. Рубакин. Когда Константинов узнал, что Новосадский сделал вылазку и против него, он приехал на квартиру П. Н. Беркова и со слезами на глазах просил его ходатайствовать перед Новосадским, чтобы тот удалил из своей статьи строки с критикой Константинова, которая может нанести большой ущерб его карьере. Новосадский удовлетворил слёзную просьбу Константинова. А он «отблагодарил»: громил Новосадского на ленинградском совещании 21 ноября 1931 г. [17. Л. 20–21]. Однако П. Н. Берков резко раскритиковал взгляды молодого карьериста Д. В. Константинова, наживавшего идеологический и политический капиталы, оговаривая достойных специалистов.

Моральный облик критикана от марксизма Константинова характеризуют такие факты: во время учёбы в аспирантуре и после защиты кандидатской диссертации он участвовал в деятельности нелегальной Катакомбной церкви, а в 1944 г., попав в плен, вступил в Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова, окончил школу пропагандистов РОА, после чего руководил в ней издательством и типографией. В эмиграции (Аргентина, затем США) подвизался в качестве священнослужителя. Будучи сотрудником «Голоса Америки» активно проводил антисоветскую деятельность. Свои дни он окончил за два года до своего столетия – в 2006 г. [20].

Плачевной была участь и ещё одного ортодоксального деятеля – К. Довганя. Н. М. Сомов сообщал Н. А. Рубакину, что К. Довганя – *«того самого свирепого критика и пожиралы, который ещё в августе 1933 читал Всенародную библиотеку Украины и вычистил за происхождение 42 человека»* – в сентябре 1933 г. признали классово чуждым элементом. Передавая Н. М. Сомову известие об этом, Д. А. Балика подчеркнул: *«В своей статье я отметил, что им (Довганю, Новосадскому, Годкевичу, Осьмакову и др.) выгодно было представить всех книговедов какими-то неучами и чуть ли не вредителями для своих целей личного продвижения в печать и для карьеры. На живых людях Довгани думали делать своё дело. Это не удалось. Как видите, московские круги, поддержавшие его доклад в Институте полиграфической и бумажной промышленности Огиза, просто поддерживали классово чуждый элемент, мешавший нам всем разрабатывать научное книговедение дальше»* [17. Л. 29].

Н. М. Сомов характеризовал И. В. Владиславлева как *«политического флюгера, выдающего себя в настоящее время за стопроцентного сторонника марксизма-ленинизма и прибегающего в своих решениях к цитатному шулерству и злонамеренному доносительству»*. В одном из писем Рубакину Сомов цитировал Гульбинского-Владиславлева образца 1917 г., где он выступил ярким противником ленинского учения [21]. Разбирая общественно-политическую литературу “смутного момента”, он, между прочим, говорил следующее: *«Ленинизм – типичное ‘коммунистически-анархистское’ течение с определённо бунтарскими, заговорщическими методами борьбы; эта часть большевизма решительно порвала с научным социализмом. Ленинизм возглавляет сейчас и ведёт за собой большевизм, окутанный миссией, в большинстве своём ничего с социализмом не имеющей»* [14. Л. 11–12 об.].

Далее Н. М. Сомов привёл слова директора Книжной палаты В. И. Соловьёва о Владиславлеве: *«Знаю, что он мерзавец, но я его всё-таки держу, ибо он провёртывает большую работу; если зазнается, в три мига выставлю»*. К слову, столь же нелестно Сомов отзывался и

о М. А. Годкевиче, которого Соловьёв тоже «приютил» в Книжной палате: «*Нашего полку прибыло*», – *может сказать Владиславлев*».

Н. А. Рубакин отреагировал на это сообщение с душевной болью: «*Искренне жалею, что Влад<иславлев> погубил всё своё библиографическое реноме. И этическое тоже. Его книгам уже не доверяют. Говорят: тенденция, подборание. ... Я не любитель не только козлов, но и козлиных запахов. А что касается свиней, то хоть я почти что вегетарианец, но всё-таки предпочитаю быть свиным кушателем, а не слушателем*» [22. Л. 23 об.].

В феврале 1935 г. Сомов сообщил о дальнейших утратах на книговедческом поприще: «*Не успели Вы поздравить Августу Владимировну [Мезьер] с Новым годом, как этот год принёс ей гибель завершительного тома [Словарного указателя по книговедению]... Эта третья часть, выйдя из печати, некоторое время продавалась, затем была изъята и ей грозит уничтожение. В связи с этим сняли с работы Черномордик, заведующую отделом, имеющую отношение к выпуску этой части. Видевшие Владиславлева говорят, что с него вся спесь сошла. Его как ответственного редактора вызвали в парткомитет Соцэкгиза.*

В чём дело, спросите Вы. Инкриминируют одиозное имя Троцкого, статьи которого отмечены в том завершительном томе, особенно выдвигается стр. 50, где он именуется тов. Троцким. И тут ответственный редактор не досмотрел, тогда как имена всех буржуазных книговедов снабжены им соответствующими аннотациями» [14. Л. 18 об. – 19]. В конечном счёте, по сведениям Сомова, «*В. И. Соловьёв выставил Владиславлева из “Советской библиографии”, где он творил суд и расправу над инакомыслящими. Наконец, этот рвач (некоторое время ему удавалось получать гонорар за свои статьи, как автор[у] и как редактор[у]) и шельма награждён по заслугам*» [Там же. Л. 33–33 об.].

Что касается указателя А. В. Мезьер, то через год Н. М. Сомов поделился неожиданной новостью: «*Сенсация: сняли запрет с трёхтомника Августы Владимировны Мезьер и его теперь можно продавать, покупать и получать в библиотеках, в которых он не выдавался*» [10. Л. 1 об.]. Этот пример ярко демонстрирует произвол и незаконие, творившиеся в то время: одну и ту же книгу могли без достаточных оснований и запретить, и вернуть к жизни.

Едва ли не в каждом письме Н. М. Сомова содержались печальные новости, что лучше иных аналитических статей характеризует атмосферу 1930-х гг. Например, он с прискорбием извещает об аресте ленинградского библиотекаря Якова Петровича Гребенщикова [23], которого сослали

в Алма-Ату, где он работал директором Государственной публичной библиотеки. Он заболел (рак), и надежды на выздоровление нет [14. Л. 33–33 об.].

Вот письмо от 23 марта 1935 г.: *«В. И. Невский больше не директорствует в Ленинской библиотеке, его "уход" связан с политикой. Закрыт Киевский институт книговедения. Погубили его Довгани, укрывшиеся в новой области, не имеющей никакого отношения к книговедению»* [Там же. Л. 21–21 об.]. 15 января 1936 г. Н. М. Сомов делится очередной новостью: *«Институт книги, документа и письма прекращает своё самостоятельное существование, а в Москве возникает Институт библиотековедения и библиографии, который будет издавать свой орган под редакцией Троповского»* [10. Л. 1 об.].

На фоне продолжающихся репрессий в СССР 12 июня 1936 г. была опубликована сталинская Конституция, гарантирующая свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций (статья 125). *«Поживём, увидим, а пока возблагодарим товарища Сталина»* [Там же. Л. 18], – двусмысленно пишет Н. М. Сомов в одном из своих писем.

Сообщения о коллегах

Н. М. Сомов был для Н. А. Рубакина одним из связующих звеньев с Советским Союзом. Передаваемая им информация всегда интересовала Рубакина. Вот пример рядового письма: Сомов сообщает о том, что доклад, присланный Н. А. Рубакиным в адрес Второго съезда библиографов, *«мог быть зачитан только в Р<усском> библиографическом обществе. Он вызвал продолжительные и горячие прения, причём Вы имели открытых и стойких защитников в лице Боровича, Балики и др<угих> членов съезда. Недавно вышла книга А. В. Мезьер, где отмечены Ваши заслуги в деле приобщения её к библиографии»* [8. Л. 14–14 об.].

Н. А. Рубакин горячо благодарил за такие письма, комментировал факты и события, давал характеристику персоналиям, которых он знал либо лично, либо по их трудам.

Н. М. Сомов постоянно держал Н. А. Рубакина в курсе событий библиотечно-библиографической и книговедческой жизни, сообщал о различных деятелях, с которыми поддерживал постоянную связь. Сегодня эти сведения представляют особый интерес, поскольку проливают свет на малоизвестные или совсем не известные факты и события, а в ряде случаев меняют представление о них.

Из письма от 16 апреля 1936 г. узнаём: *«Троповский получил звание профессора, а Шамурин только звание действительного члена, но Годкевич – ни того, ни другого, чем он очень опечален. Скончался Б. П. Гуцин в Оренбурге, куда он был выслан из Ленинграда; Н. В. Здобнов серьёзно болен: ка-*

кие-то нарывы в горле» [10. Л. 14]. 17 июня 1936 г. становится известно, что Н. В. Здобнов физически поправился, но зато убит морально. Он очень дорожит основанной и руководимой им Дальневосточной библиографией. Но в вышедшем первом томе этой библиографии опущено указание, что он составлен под редакцией Здобнова. По крайней мере его фамилия была отмечена в предисловии среди других составителей. Во втором же томе не было сделано и этого. Как бывшего эсера Н. В. Здобнова отстранили от руководства Дальневосточной библиографией, ему также запретили преподавать библиографию в Московском библиотечном институте. (Н. В. Здобнова арестовывали и колчаковская и советская власти, он был репрессирован и умер в 1942 г. в Красноярском лагере.)

В то же самое время М. Н. Куфаев переключился на работу в области исторической географии, ранее он был лишён и этой возможности – *«беднягу совсем заклевали кориуны и ястребы книговедческого фронта. Увидит ли когда-нибудь свет составленный им большой труд по библиологии. Сейчас он находится в его письменном столе. ...А. Г. Фомину удалось добиться разрешения на издание второго тома "Пушкинианы"»* [Там же. Л. 17–17 об.].

Н. М. Сомов известил о казусной ситуации, сложившейся в Наркомпросе с присвоением учёных званий. По существующему в те годы порядку, право присваивать учёные звания предоставлялось комиссиям по ведомственной подчинённости. Квалификационная комиссия при Наркомпросе в составе Н. К. Крупской, Г. К. Дерман и В. Г. Кирова (начальника библиотечного управления) постановила присвоить профессорские звания Л. Н. Троповскому, А. Д. Эйхенгольцу и другим. В. Г. Киров поспешил сообщить им об этом. Однако Комиссия должна была сначала представить своё постановление на утверждение Совнаркома, чего она не сделала, и вскоре её ликвидировали. *«"Профессора" оказались в дурацком положении: они вернулись в первобытное состояние»* [Там же. Л. 18].

Н. А. Рубакин каждый раз остро реагировал на такого рода сообщения. Особенно его удручали гонения на самых заслуженных специалистов. Показательны следующие строки из его письма Н. М. Сомову от 22 августа 1936 г.: *«Судьба таких замечательных работников книги, как Здобнов, Поршнев, Мезьер и т.п. (такие и на Западе редки), опечаливает и даже возмущает иностранных друзей СССР. Здесь сов<етским> книжным делом чрезвычайно интересуются, как и вообще всеми сов<етскими> делами. Мне каждую неделю, иной раз по нескольку раз приходится демонстрировать и комментировать сов<етские> творческие книги. И это выходит недурно, т.к. я действительно фанатик рус<ской> книги, и пою перед иностранцами, словно соловей, и не в силах петь иначе. Есть в книж<ном> сов<етском> деле и минусы, но, по-моему, они – суицие пустяки сравни-*

тельно с плюсами, каковых на Западе не сыщешь. Этим припевом я заканчиваю всякое такое моё книжное демонстрирование. И не раз приходится слышать в ответ от знатных иностранных посетителей: "Честь и слава русским советским работникам книги!" Да, действительно, честь и слава. Одна Мезьер чего стоит! И как не понимают разные гонители и клеветники на таких работников, до какой степени дискредитируют они сов<етское> книжное дело перед иностранцами (Троповский, Довгань, Владиславлев, Хлебцевич и т.п.) ... всё это вредители – и мелюзга, своей злопыхательской деятельностью [им] уж никак не свести на-нет таких, как Мезьер и т.п. ... мне и моим сотрудникам всегда бывает особенно радостно отмечать новых и новых работников сов<етской> книги, которые значают ещё один новый шаг вперёд» [10. Л. 16–18].

Одновременно Н. А. Рубакин искренне радовался всем сколько-нибудь заметным успехам в советском книжно-библиотечном деле. Вот несколько примеров: «Мне удалось добыть книгу Куфаева "История русской книги в XIX в.", которую Вы рекомендовали, и по моему предложению и настоянию эту прекрасную книгу мы ввели в Международный список наиболее замечательных русских книг, вышедших в 1927 г. При случае сообщите это Куфаеву. Я чувствую, что этот человек любит дело больше, чем себя и работает за совесть. Вообще из всех тех, кто вёл и ведёт в СССР полемику против библиопсихологии, Куфаев кажется мне вполне корректным и добро-совестным. С таким возражателем приятно иметь дело. О его книжке я тоже буду писать в "Либерери"» [19. Л. 12]; (письмо от 02. XI. 1928 г.); «Нам очень понравилась книга Шамурина о библиографии, хотя в ней и не сказано ни слова о библиографии психологической, а что касается до книги Куфаева, то в ней уж больно много пробелов, даже очень существенных. Об изданиях Кн. Палаты мне не хочется писать в иностранных изданиях: вредить ей я уж никак не желаю, а хвалить – не очень-то правильно» [7. Л. 5] (письмо от 12. 10. 1934 г.);

«Топоров [24] прислал нам свою прямо-таки замечательную книгу ["Крестьяне о писателях". – Ю. С.]. Мы её соборне уже прочитали и обсудили. Её писал честный и искренний человек, который любит истину больше, чем своё Я, и умеет не только мыслить самостоятельно, но и чувствовать чужие Я, не налезая на них аки бессмысленный индюк. Наскоками ведь не внедришь никакой истины и только навредишь и себе, и общему делу. Пример: деятельность "Безбожника". Я об этом уже писал самому "Безбожнику"» [19. Л. 26].

Характеристики, даваемые Н. А. Рубакиным отдельным советским специалистам, были и довольно едкими: «В. Н. Тукалевского [25] я давно знаю, и с этого года мы организуем постоянное сотрудничество в области библиографии. Он хороший, солидный работник, но и большой политикан, и

тоже изрядный козёл. Хитрецов я несколько побаиваюсь, ибо очень уж не умею хитрить, даже когда и нужно бы по нынешним временам» [22. Л. 28–29]. Вот ещё одна из многих его характеристик: «<...> Довгани живут по известному суздальскому правилу: “Либо в зубы, либо ручку пожалуйте”. Это чтобы доказать всему свету и истории, что каждый из них – своему отечеству хам. Не завидую» [Там же. Л. 29]. Однако даже у самых отрицательных личностей он всегда находил те или иные положительные черты.

Итак, из обыденной переписки двух выдающихся людей вырисовывается довольно мрачная картина положения дел в советском книговедении конца 1920-х – начала 1930-х гг. Под жернова политических репрессий попали очень многие коллеги Н. М. Сомова и Н. А. Рубакина: как те, кто искренне разделял идеологические ценности коммунистической доктрины; так и те, кто мимикрировал, выдавая себя за правоверных ленинцев-сталинцев, либо просто честно работал, стремясь выработать объективное знание. Неудобными оказались выходцы как из состоятельных слоёв общества, так и из беднейшего крестьянства. Не спасало и проживание за границей: Н. А. Рубакину пришлось претерпеть множество нападков, на официальном уровне ему так и не удалось преодолеть отрицательное отношение к себе.

В такой непростой ситуации вместе с тем ярко проявлялась степень сознательности, принципиальности, порядочности, стойкости людей. Несмотря на все объективные и субъективные препятствия, советское книговедение продолжало развиваться, и, благодаря Рубакину, об этом знали в мире, хотя в других обстоятельствах его успехи могли быть качественно и количественно более высокими.

Надеюсь, что изложенный материал расширил представление читателей журнала об истории советского книговедения. Картина происходивших событий получилась довольно унылой, но что было, то было... Теперь мы лучше понимаем, что пришлось пережить поколению наших предшественников, большинство из которых сохранило лицо и продолжало заниматься научным творчеством.

Персонифицируются и те, кто не выдержали испытания на прочность и по недостатку ума, а чаще из корыстных побуждений сыграли негативную роль в нашей науке. Страна должна знать и своих героев, и своих антигероев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИМЕЧАНИЯ*

1. **Столяров Ю. Н.** Н. А. Рубакин: отповедь противникам библиопсихологии / Ю. Н. Столяров // Книга: исследования и материалы. – Москва : ФБУН НИЦ «Наука» РАН, 2016. – Сб. № 3 (108) – № 4 (109). – С. 25–39.

Stolyarov Yu. N. N. A. Rubakin: otpoved protivnikam bibliopsihologii / Yu. N. Stolyarov // Kniga: issledovaniya i materialy. – Moskva : FBUN NITS «Nauka» RAN, 2016. – Sb. № 3 (108) – № 4 (109). – S. 25–39.

2. **Столяров Ю. Н.** Н. А. Рубакин о популяризации науки в 1920–1930-е гг. // Научное и культурное взаимодействие в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге : материалы Междунар. науч. конф. (Москва 8–10 нояб. 2016 г.). К 15-летию Центра исследований книжной культуры / Ю. Н. Столяров. – Москва : Наука, 2016. – С. 215–224.

Stolyarov Yu. N. N. A. Rubakin o populyarizatsii nauki v 1920–1930-e gg. // Nauchnoe i kulturnoe vzaimodeystvie v kontekste razvitiya knigoizdaniya, knigoobmena i nauki o knige : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva 8–10 noyab. 2016 g.). K 15-letiyu Tsentra issledovaniy knizhnoy kultury / Yu. N. Stolyarov. – Moskva : Nauka, 2016. – S. 215–224.

3. **Столяров Ю. Н.** Неизвестный Рубакин // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы VI Междунар. науч. семинара. Москва, 9 ноября 2016 г. / Ю. Н. Столяров. – Минск : Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси ; Москва : ФГБУН НИЦ «Наука» РАН. – Москва : Наука, 2016. – С. 161–165.

Stolyarov Yu. N. Neizvestnyy Rubakin // Sovremennyye problemy knizhnoy kultury: osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya : materialy VI Mezhdunar. nauch. seminar. Moskva, 9 noyabrya 2016 g. / Yu. N. Stolyarov. – Minsk : Tsent. nauch. b-ka im. Yakuba Kolasa Natsionalnoy akademii nauk Belarusi ; Moskva : FGBUN NITS «Nauka» RAN. – Moskva : Nauka, 2016. – S. 161–165.

4. **Столяров Ю. Н.** Н. А. Рубакин – библиопсихолог – самородок: К 155-летию со дня рождения / Ю. Н. Столяров // Школьная б-ка. – 2017. – № 4. – С. 5–14; № 5. – С. 12–20.

Stolyarov Yu. N. N. A. Rubakin – bibliopsiholog – samorodok: K 155-letiyu so dnya rozhdeniya / Yu. N. Stolyarov // Shkolnaya b-ka. – 2017. – № 4. – S. 5–14; № 5. – S. 12–20.

5. **Столяров Ю. Н.** Н. А. Рубакин: библиопсихологический портрет В. И. Ленина / Ю. Н. Столяров // Библиография. – 2017. – № 1. – С. 23–30.

Stolyarov Yu. N. N. A. Rubakin: bibliopsihologicheskiy portret V. I. Lenina / Yu. N. Stolyarov // Bibliografiya. – 2017. – № 1. – S. 23–30.

6. **Столяров Ю. Н.** Рубакин е искал да бъде полезен за България [Рубакин хотел быть полезным для Болгарии] / Ю. Н. Столяров // ББИА [Библиотеки. Библиотекари. Информация. Ассоциация] онлайн. – Журнал Болгарской библиоинформ. ассоц. – 2017. – Год VII. – Брой 3, юни [№ 3, июнь]. – С. 35–40.

Stolyarov Yu. N. Rubakin e iskal da bde polezen za Blgariya [Rubakin hotel byt poleznym dlya Bolgarii] / Yu. N. Stolyarov // BBIA [Biblioteki. Bibliotekari. Informatsiya. Assotsiatsiya] onlayn. – Zhurnal Bolgarskoy bibl.-inform. assots. – 2017. – God VII. – Broj 3, yuni [№ 3, iyun]. – S. 35–40.

7. **К. 185.** Ед. хр. 13.

8. **К. 276.** Ед. хр. 49.

* Список источников и примечания – общие к первой и второй частям статьи.

9. **Иван Филиппович Масанов** (1874–1945) – историк, библиограф, составитель уникального, не имеющего аналогов в мировой библиографии «Словаря псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей». В 1936 г. первая из трёх частей Словаря была издана, но отправлена в спецхран. После Великой Отечественной войны работу по восстановлению и продолжению Словаря предпринял его сын Юрий Иванович Масанов. Словарь был выпущен в четырёх томах в 1956–1960 гг.

10. **К. 276.** Ед. хр. 53.

11. **Николай Николаевич Орлов** (1898–1965) – библиограф, библиотечный работник, библиофил. В 1918–1933 гг. работал в московских библиотеках, книжных учреждениях и организациях. Несколько лет был директором Научно-технической библиотеки Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана. В 1921–1930 гг. – секретарь и один из активных деятелей Русского библиографического общества при Московском университете. В декабре 1936 г. арестован, осуждён на 6 лет лагерей. Автор свыше 170 научных работ. В 1953–1965 гг. работал старшим библиографом Научно-технической библиотеки в Караганде. Реабилитирован в 1957 г. Собрал научно-книговедческую библиотеку (свыше 8 тыс. книг и брошюр), в 1948 г. передал значительную её часть в Фундаментальную библиотеку общественных наук Академии наук СССР (ныне – Институт научной информации по общественным наукам РАН).

12. **Александр Яковлевич Арсёв** (1890–1938) – революционер и партийный деятель, чекист, дипломат, писатель. С 1905 г. состоял в партии эсеров, но под влиянием друга – В. М. Скрябина (Мологова) в 1907 г. вступил в РСДРП. Подвергался преследованиям царского правительства. Во время Октябрьской революции был членом Военно-революционного комитета. С 1934 по 1937 г. – председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей; постоянно приглашал Н. А. Рубакина переселиться в СССР или хотя бы посетить родину. Делегат 1-го Всесоюзного съезда писателей. В 1935 г. выступил переводчиком на встрече Р. Роллана, ближайшего зарубежного друга Н. А. Рубакина, с И. В. Сталиным во время посещения писателем СССР. Арестован в 1937 г., в 1938 г. расстрелян. Именем Александра Арсёва названы улицы в Донецке и Кривом Роге (Украина).

13. **РАПП** (Российская ассоциация пролетарских писателей) – ортодоксальное литературное объединение в СССР, учреждённое в 1925 г. К 1930 г. РАПП директивно требовала, чтобы все писатели занялись художественным изображением героев пятилетки и доложили об исполнении этого призыва-распоряжения в течение двух недель. Внутри РАПП обострилась борьба за власть и усилились идеологические разногласия. РАПП и ряд других писательских организаций были расформированы постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апр. 1932 г., введившим единую организацию – Союз писателей СССР. Цитируемое письмо Н. А. Рубакина датировано 21 июля 1932 г.

14. **К. 276.** Ед. хр. 52. Л. 14.

15. **Лев Наумович Троповский** (1885–1944) – библиографовед и библиотековед. Замечание Н. М. Сомова вызвано тем, что Л. Н. Троповский был, во-первых, коммунистом, во-вторых, занимал руководящие посты: с 1923 г. заведовал Библиографическим отделом Главполитпросвета, в 1930 г. назначен директором Библиографического института ОГИЗа (с 1931 г. – Критико-библиографический институт). С 1932 г. совмещал работу в НИИ библиотековедения и рекомендательной библиографии с руководством кафедрой библиографии Московского библиотечного института. В теоретических работах, выступлениях выдвинул положения о партийности библиографии, её связи с социалистическим строительством и т.п.

16. **К. 276.** Ед. хр. 50. Л. 3–4, Л. 5 об.

17. **Александр Евлампиевич Плотников** (1877–1942) – библиотековед, библиограф,

книговед. В 1902–1903 гг. обучался в Высшей русской школе общественных наук в Париже. Принимал участие в реорганизации и воссоздании Тургеневской библиотеки. С 1903 по 1908 гг. состоял в меньшевистской фракции РСДРП. Вернувшись в Россию, был помощником библиотекаря в Библиотеке Политехнического института (Санкт-Петербург), одним из руководителей Общества библиотекосведения, членом редколлегии журнала «Библиотекарь», занимался подготовкой и проведением I Всероссийского съезда по библиотечному делу (1911). С 1912 г. участвовал в работе Бюро международной библиографии. Одновременно обучался в Психоневрологическом институте на отделении общественных наук, почему и считал себя знатоком библиопсихологии. После революции работал в системе внешкольного образования ряда периферийных городов. В 1922 г. в Петрограде стал преподавать в военных учебных заведениях, затем – в Институте внешкольного образования/Институте политехпросветработы им. Н. К. Крупской (до 1927 г.). С 1925 г. руководил Библиотекой молодёжи в структуре Публичной библиотеки. Тогда же и вплоть до 1932 г. работал директором Института книговедения, руководил в нём Секцией теории, методологии и истории книговедения, был председателем Комиссии по истории книги, занимался исследованием по теме «Ленин и книга», вопросов библиопсихологии и социологии книги с позиций марксистско-ленинской методологии. После реорганизации Института книговедения в 1933 г. перешёл в издательство Ленинградского отделения АН СССР, в 1935 г. от занимаемой должности освобождён. В 1936 г. исключён из ВКП(б). В 1937 г. осуждён за контрреволюционную троцкистскую деятельность и сослан в Омскую область на пять лет. В 1942 г. по обвинению в антисоветской деятельности расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

18. **Георгий Иванович Поршнев** (1887–1937) – книговед, библиотекарь и библиограф. В 1907 г. организовал книжный магазин «Юная Сибирь». Арестован за революционную деятельность. После освобождения в 1909 г. начал переписываться с Н. А. Рубакиным. В 1913 г. учился на библиотечных курсах при Московском народном университете им. А. Л. Шанявского, стал одним из первых его выпускников. С 1914 г. работал в иркутском отделении Товарищества И. Д. Сытина, был членом и председателем библиотечных советов, руководил реорганизацией бесплатных народных библиотек А. В. Потаниной, занимался библиографической деятельностью, инициировал первое социолого-библиотечное исследование в Сибири, читал лекции по библиотечному делу. Состоял в партии эсеров. После Февральской революции занимался культурно-просветительской и политической деятельностью. В 1919 г. заведовал информационным отделом при управляющем Иркутской губернией. В 1920 г. направлен на работу в Красноярск, в следующем году приглашён в Российскую книжную палату уполномоченным по Сибири. В 1922 г. переехал в Москву, стал организатором книжной торговли и системы подготовки книгоиздательских и книготорговых кадров. Опубликовал статьи и книги по вопросам издательского и книготоргового дела. В 1930 г. был арестован за «вредительство», осуждён на 10 лет и отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Там основал Центральную библиотеку лагеря «Медвежья гора» и заведовал ею. Читал лекции по библиотекосведению, обучал библиотекарей. В 1934 г. направлен на слёт ударников Беломорско-Балтийского канала, в 1936 г. досрочно освобождён. В октябре 1937 г. вновь арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1984 г.

19. **К. 185.** Ед. хр. 11.

20. **Режим** доступа: <https://knigogid.ru/authors/44359-konstantinov-dimitriy-vasilevich-protoierey>. – (Последнее обращение: 04.08.2017).

21. См. его статью «Политические партии и классовая борьба», размещённую в журнале «Библиографический ежемесячник» (В помощь читателю и библиотекарю) под ред. И. В. Владиславлева 1917 г., вып. VIII. Этот журнал издавался в Москве книгоиздательством «Общественное дело» [Прим. Н. М. Сомова].

22. **К. 185.** Ед. хр. 12.

23. **Яков Петрович Гребенщиков** (1887–1935), библиотековед, библиограф, библиофил. На библиотечной работе с 1918 г., в 1933 г. получил должность заместителя директора Центральной геологической библиотеки. Был одним из ведущих преподавателей Высших курсов библиотековедения. Трижды арестовывался по политическим обвинениям. В 1933 г. сослан в Казахстан, в 1934 г. было принято решение о его досрочном освобождении, но вернуться домой он не смог из-за болезни. Умер в 1935 г.

24. **Адриан Митрофанович Тóпоров** (1891–1984) – писатель, литературный критик, публицист, просветитель, учитель, эсперантист. Автор книги «Крестьяне о писателях» (1930). В 1920 г. стал организатором коммуны «Майское утро», где создал школу, библиотеку, народный театр, краеведческий музей, хор и оркестр. В 1937 г. арестован по ложному обвинению, отбывал наказание в исправительно-грудовых лагерях. В 1949 г. поселился в Николаеве, где продолжил заниматься литературной и общественной деятельностью. Реабилитирован в 1958 г. Его имя стало вновь популярным в 1961 г., когда в космос полетел Г. С. Титов, который называл его «духовным дедом».

25. **Владимир Николаевич Тукалевский** (1881–1936) – российско-чешский библиотекарь и библиограф. Учился и работал журналистом в Киеве, в 1905 г. переехал в Санкт-Петербург и в 1911 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1918 г. эмигрировал в Финляндию, в 1923 г. – в Прагу, где возглавил библиотеку объединения российских земских и городских деятелей «Земгор». В 1924 г. по его инициативе министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш учредил при министерстве «Русскую библиотеку» и назначил заведующим Тукалевского, передавшего в неё собственные книги и архив периодики. В 1929 г. её преобразовали в Славянскую библиотеку в составе Национальной библиотеки Чехословакии, Тукалевский оставался руководителем русского отдела. В 2003 г. в этой библиотеке была организована выставка, посвящённая В. Н. Тукалевскому, на которой демонстрировались его многочисленные научные и публицистические труды. (Подробнее о нём см.: Ильина О. В. Н. Тукалевский – библиотекарь, библиограф, библиофил // Библиогр. – 2008. – № 2. – С. 88–101.)

Yury Stolyarov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy of Sciences, Professor, Moscow State Institute of Culture;

yn100@narod.ru

90, Profsoyuznaya st., 117864 Moscow, Russia